

ЭТАП ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

(Ю.Я. Бурмистрович. Историческая фонемология последовательного ряда или цепи славянских языков, связанных отношениями "предок-потомок", от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского. - Абакан: Изд-во Хакасск. гос. пед. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2001. – 228 с.)

© 2002 А. А. Кретов

Воронежский государственный университет

История лингвистики складывается так, что в начале каждого века происходят события, определяющие ход научного процесса на век вперед. Так, выход в 1816 году книге Ф. Боппа ознаменовал рождение сравнительно-исторического языкознания, а выход в 1916 году "Курса общей лингвистики" Ф. де Соссюра – рождение лингвистического структурализма. В начале XXI века лингвистика вновь находится на пороге нового этапа своего развития. Если лингвистика XX века была в значительной мере отрицанием лингвистики XIX века, то в XXI веке настала пора синтеза достижений лингвистики, накопленных за два предшествующих столетия.

В соответствии с этим на передний край науки выдвигаются синтезирующие лингвистические концепции, такие как системная лингвистика, представленная в трудах Ю.С. Степанова, Г.П. Мельникова, В.К. Журавлева.

Работа Ю.Я. Бурмистровича относится именно к этому магистральному направлению современной лингвистики. В этом, собственно, и заключается ее несомненная актуальность.

Главным в книге Ю.Я. Бурмистровича является именно синтез историчности лингвистики XIX века с системностью лингвистики века XX. Системность без историчности широка, но поверхностна, историзм без системности глубок, но узок (атомистичен), и только соединение историзма с системностью, обеспечиваемое системной лингвистикой, позволяет соединить широту взгляда

на объект с целостностью охвата объекта и глубиной постижения его.

По своему жанру книга Ю.Я. Бурмистровича также является синтетической: она является обобщением обобщений, что характеризует ее как теоретическое исследование высокого ранга, а с другой стороны, она выполнена на конкретном материале русского – праславянского и праиндоевропейского языков. Глубоко закономерно и то, что книга Ю.Я. Бурмистровича посвящена русскому языку, потому что единственный способ раскрыть фонологическую систему современного русского языка – это представить историю становления этой системы за последние 6 000 лет. Так лингвистика на новом витке своей истории возвращается к уже хорошо забытому ей принципу: *теория объекта – это его история в освобожденном от случайностей виде.*

Такой взгляд на соотношение теории и истории языка делает понятной необходимость объединить в едином курсе описание истории и современного состояния языка, потому что современное состояние, с одной стороны, результат всех предшествующих состояний, а с другой – лишь момент в развитии языка. С этой точки зрения бытующую вузовскую практику раздельного чтения „теории“ и „истории“ русского языка нельзя не признать морально устаревшей, основанной на теоретических взглядах едва ли не вековой давности.

Целью исследования является построение *исторической фонемологии русского*

языка, но для достижения этой цели автору приходится построить историческую фонемологию праславянского языка, а также – историческую фонемологию праиндоевропейского языка.

Книга Ю.Я. Бурмистровича выделяется своей фундаментальностью. Ее библиография содержит 762 позиции. В ней использовано более 40 работ на иностранных языках: украинском, белорусском, польском, чешском, словацком, болгарском, сербохорватском, немецком, английском и французском. Широкий охват научной и справочной литературы обеспечивает надежность фактологической базы исследования.

Методы исследования – сравнительно-генетический, сопоставительно-типологический и системно-исторический – обеспечивают высокую эффективность интерпретации лингвистического материала и частных лингвистических результатов.

Научная новизна исследования состоит в создании русской исторической фонемологии как синтетической историко-лингво-славяноведческой или точнее – историко-лингво-славяноведно-индоевропейской науки.

Сутью данной науки является представление процесса эволюции фонетического уровня как закономерного ряда явлений, объединенных причинно-следственными отношениями.

Ценным вкладом в теорию языка является то, что автор скромно называет «способом описания внутри периода»: 1) первоначальное парадигматическое и синтагматическое состояние системы, 2) противоречие, обнаруживаемое в ней, 3) процесс-толчок, направленный на его устранение, 4) фонетический или фонематический закон, вызванный данным толчком, 5) серия однотипных процессов, вызванных этим законом и проходящих под его воздействием, 6) новое парадигматическое и синтагматическое состояние системы, как результат всех этих процессов. По существу перед нами теоретическая модель перехода системы от одного качественного состояния к другому качественному состоянию.

Утверждение о том, что внутренним противоречием ПИЕ-системы фонем была

диспропорция между обилием смычных согласных и малочисленностью щелевых представляется вполне правдоподобной, как и мотивация того, почему противоречие нельзя было решить устранением щелевых – от этого пострадала бы коммуникация. В данном случае для проверки данного предположения было бы целесообразно провести (например, в рамках кандидатской книги) исследование, какой процент ПИЕ-слов оказался бы неразличим вследствие полной утраты щелевых в ПИЕ-языке. При рассмотрении возможных последствий других фонетических процессов автор более основательно аргументирует коммуникативную нецелесообразность тех или иных преобразований.

Попутно отметим, что вопреки сложившейся практике (см. «Словарь славянской лингвистической терминологии» Т.2: Алфавитные списки терминов, Praha: Academia, 1979, с.167) автор последовательно называет сибиланты не *щелевыми*, а *щелинными* фонемами, исходя таким образом не из слова *щель*, а из слова *щелина* 'большая щель'.

Если причиной эволюции праиндоевропейской системы была диспропорция между количеством смычных и щелевых фонем, то автор, хотя и в неявном виде, исходит из следующих положений: (1) смычные и щелевые согласные составляют две базовые подсистемы консонантизма; (2) консонантизм языка находится в устойчивом состоянии тогда, когда количество фонем в этих подсистемах равно или примерно равно; (3) существенное нарушение количественного паритета смычных и консонантов неизбежно устраняется – либо вместе с одним из подклассов либо путем увеличения числа фонем меньшего класса до уровня большего. Поскольку данные положения являются гипотезами исследования, представляется желательной их проверка на материале известных науке языков.

Убедительным представляется и рассмотрение закона Педерсена (или закона “r, u, k, i”) в качестве процесса-толчка, за которым последовали сатэмизация и длабиализация. Процессы утраты придыха-

тельности и делабиализации рассматриваются как способ уменьшить диспропорцию между количеством смычных и щелевых фонем в системе языка.

К достоинствам работы следует отнести также объединение в едином процессе так называемой “монофтонгизации дифтонгов и дифтонгических сочетаний”. Этот факт – при соответствующем осмыслении – способен пролить свет на организацию фонологической системы языка на предшествующем этапе. Дело в том, что на предыдущем этапе *глайды* *i*, *u*, *плавные* *r*, *l*, *носовые* *m*, *n*, а также *ларингалы* *H*, *H'*, *H°* составляли единую группу фонем под названием *сонанты*. Специфику этой группы составляла их нейтральность по отношению к признаку “слоговость-неслоговость” [\pm слоговость], делившему остальные фонемы на *гласные* [+слоговость] и *согласные* [-слоговость]. Для сонантов же слоговость-неслоговость была позиционно обусловленным (т.е. не фонологическим) признаком: между слоговыми они были неслоговыми, между неслоговыми – слоговыми. Позиционная обусловленность слоговых и неслоговых вариантов сонантов была показана еще Ф. де Соссюром, но соответствующий фонологический вывод был сделан лишь век спустя (ср. у Т.А. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [ИЕ-язык и ИЕвропейцы 1984-1:164]). В данном случае автор непонятным образом отступает от своего фонологического кредо, становясь на позиции “дофонологической” эпохи. Если оппозиция слоговых по долготе-краткости существовала в языке, то и сонанты в своих слоговых вариантах не могли оказаться вне этой оппозиции. Достаточно признать долготу-краткость производными от слоговости, чтобы отпала всякая необходимость “расщеплять” сонантные фонемы, придавая фонемный статус их слоговым и неслоговым вариантам. Аналогично, неслоговые варианты сонантов вместе с неслоговостью могут приобретать способность вступать в оппозиции по глухости-звонкости [в||ф].

В связи с таким пониманием сонантов нет, видимо, оснований и для постулирования дифтонгов как единиц фонологической системы ПИЕ-языка: это

были сочетания гласных с сонантами (или сонантов друг с другом).

Серьезное научное значение имеют также два положения, высказанные в связи с монофтонгизацией дифтонгов. (1) «При... фонематических изменениях язык стремится сохранить... количество фонематических оппозиций». Данное положение следует уточнить: количество фонематических оппозиций, видимо, не должно *уменьшиться*, чтобы не вызвать лавины омонимов, способной привести язык в состояние коммуникативной непригодности. *Увеличение* же числа оппозиций возможно. В противном случае система не могла бы эволюционировать; в частности, было бы невозможно увеличение числа фрикативных фонем. (2) «При фонематических изменениях язык стремится... сохранять ритмический рисунок и длину словоформ..., компенсируя выпадение фонемы... тем или иным способом». Во-первых, это положение изоморфно таким общим законам мироустройства как законы сохранения энергии, массы, импульса и др. (ср. первое начало термодинамики). Во-вторых, это положение находит объяснение и подтверждение в научных взглядах проф. ВГУ Л.В. Величковой, отстаивающей первичность ритма в языковом онто- и филогенезе. Если принять сформулированный Р.О. Якобсоном принцип, согласно которому фундаментальные языковые оппозиции и явления формируются первыми, а утрачиваются последними, становится понятным, почему праславянский язык “стремился” сохранять “тот ритмический рисунок и ту длину словоформ, которые были у них до монофтонгизации дифтонгов”.

Автор справедливо указывает, что ответы на вопрос, “почему, когда и как возник закон открытого слога... были настолько общими, что удачными назвать их нельзя”. К сожалению, и ответ самого Ю.Я. Бурмистровича вызывает некоторые вопросы. Закон открытых слогов – “следствие преобразования праславянского языка из фонемного в группофонемный”. А зачем потребовалось это преобразование? Получается, что только потому, что у переднеязычных согласных было по два аллофона (обычный и бемольный), а у губных и заднеязычных – по одному.

Чтобы выправить положение гласные переднего ряда стали отдавать свой признак дизности предшествующим согласным, “а признак бемольности потерял свою значимость и перестал восприниматься”. Возникает вопрос, а почему бы признаку бемольности сразу не перестать восприниматься, без всякой дизности? Раз это аллофон – смыслоразличение бы не пострадало. Правда, тогда не появилось бы группофонем: ни дизных, ни недизных. Как видим, объяснение как появления самих группофонем, так и закона открытого слога, у Ю.Я. Бурмистровича характеризуется некоторой произвольностью. Закон восходящей звучности применительно к группофонеме Ю.Я. Бурмистрович трактует как частный случай “фонетического закона строго определенной последовательности компонентов-квазифонем внутри ГФ”. Думается это решение не вполне удачно: именно закон восходящей звучности объясняет, почему последовательность квазифонем строго определена. Значительно интереснее стремление автора связать строение группофонемы с отталкиванием одинаковых признаков и притягиванием противоположных, что имеет аналогию в физике (разные полюса притягиваются одинаковые – отталкиваются) и в живой природе (соперничество самцов и копуляция самцов и самок).

При таком взгляде конституирующими для группофонемы являются признаки дизности-недизности и звонкости-глухости. Единство этих признаков обеспечивает единство группофонемы, а закон восходящей звучности (ЗВЗ) - ее структуру. Последовательность STRO с весами 1234 задается следующими оппозициями: неслоговой||слоговой (STR||O), несонант||сонант (ST||R), несмычный(щелевой)||смычный (S||T). Из этого с необходимостью следует, что йотация согласных и изменение *бв* > *б* следовали из закона восходящей звучности и определялись им при одном допущении, что [j] и [v] перестали быть сонантами и стали шумными фрикативными со звучностью равной 1. Ясно, что [B²], исчезающий перед [б], и [B¹], перед которым глухой согласный не озвончается (ср. *твой*), - разные фонемы: первая – щелевая согласная, вторая – сонант (неслоговой вариант U).

Тогда и результаты йотации *губных* предстают в ином свете: как выполнение ЗВЗ: щелевой согласный [j] заменяется на ближайший к нему по артикуляции сонанный – [l']. Таким образом последовательность 214 преобразуется в последовательность 234: *bjo* > *b'l'o*, *p'jo* > *p'l'o*, *v'jo* > *v'l'o* (о необходимости признания шумного [B] уже было сказано). Необъяснимой остается лишь трансформация 314 > 334, противоречащая ЗВЗ: *mjo* > *m'l'o*. Специфика этого процесса состоит в придании дизности бемольным (губным) фонемам. Единственным выходом из создавшегося затруднения является принятие решения предложенного Г.А. Хабургаевым: расширения шкалы звучности за счет оппозиции: “неплавные (т.е. носовые)||плавные” сонанты (возможность трансформаций МОЛДЬ > МЛАД и МОРЗЬ > МРАЗЬ, НОРВЬ > НРАВЬ как будто подтверждает такое допущение). В таком случае ЗВЗ должен выглядеть уже как STNRO=12345.

Как свидетельствуют источники, устранение геминат произошло довольно рано, хотя и после действия закона Педерсена поскольку процесс *tt* > *st* является общим для греческого, иранских, балтийских и славянских языков [Семереньи 1980:118], в силу чего этот процесс вряд ли может быть отнесен к “1 этапу среднего периода праславянского языка”.

Никакими сформулированными выше правилами не объясняется утрата *зубных* [Т, Д] (а не “любых, кроме *g*”, как у автора) *смычных* перед *носовыми* М, Н (ср. *обман*, *обнова*). Столь же необъяснимо и появление протетического смычного между щелевым С-З и плавным [Р]: *ср* > *стр*, *зр* > *здр*. В балтийских языках этих явлений еще нет, а в славянских – их уже нет. Следовательно, эти процессы также могли иметь место лишь в протославянский период, предшествовавший праславянскому. Таким образом, есть основания усомниться в периодизации данных явлений, предлагаемой в книге.

Несколько смущает некоторая узость взгляда автора на причины фонетических изменений. Если А.М. Селищев все изменения объяснял артикуляторно, то Ю.Я. Бурмистрович склонен все изменения объяснять потребностями системы. При

этом предлагаемые в качестве причин объяснения весьма разнообразны и, на наш взгляд, недостаточно обобщены.

С этой точки зрения большей синтезирующей силой обладает подход С.Ю. Адливанкина, объяснявшего причины языковых изменений *противоречиями* между потребностями фонологической системы и удобством артикуляции, или проще – между “интересами” языка и интересами человека, что можно также интерпретировать и как противоречие между интересами слушающего и интересами говорящего.

Кстати сказать, содержащая в книге критика взглядов С.Ю. Адливанкина на зияние и его устранение в ПИЕ-языке, не вполне оправдана. Множество аргументов побуждает считать процесс устранения зияния одним из наиболее ранних процессов ПИЕ-языка.

Вряд ли можно признать удачным для протославянского состояния праиндоевропейского языка реконструкцию системы без палатального ряда гуттуральных, поскольку отказ от реконструкции *палатовелярного* ряда лишает исследователя возможности объяснить причины *сатэмизации*. Аргументы В. Геориева в пользу двух рядов гуттуральных сегодня уже не имеют прежней силы, поскольку известны как индоевропейские (древние анатолийские, живые – кашмири, язгулямский), так и неиндоевропейские (например, абхазский, абазинский) языки, содержащие три ряда гуттуральных.

Представляется, что автор недооценивает роль реконструкции, предложенной Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым. Действительно, она небесспорна: “ни в одном языке мира не засвидетельствовано озвончение глоттализированных в начальной позиции” [Бурлак С.А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику: Учебник. – М.: Эдиториал УРСС, 2001, с.118], но предположение, что ПИЕ-система “была похожа на удинскую (удинский – один из лезгинских языков) и состояла из глухих, звонких и “сильных” согласных”... “корректирует “глоттальную” теорию, предлагая вместо глоттализированных восстанавливать глухие (сильные)” [Там же с.118-119] и все ставит на свои места. Этой поправкой “глоттальная” теория выводится из-

под удара практически без потерь – ценой реинтерпретации глоттальных как глухих “сильных” согласных, имеющих лауну на месте *p*: (или малое число слов с этой фонемой), озвончающихся, и имеющих факультативную придыхательность.

Симметрия между вокалическим треугольником *e-o-a* и триадами гуттуральных носит именно системный характер. Как показали Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, для ПИЕ-языка реконструируется также триада фонем-сибилянтов: *S, Š* и *S°* и триада фонем-ларингалов *h, ħ* и *h°*. Отсутствие палатальных дентальных смычных в ПИЕ-языке – не аргумент против реконструкции этого ряда для гуттуральных и сибилянтов. Например, оппозиция “глухость-звонкость” не распространяется на сонанты, но это не основание отрицать саму оппозицию.

Каждую работу в науке принято оценивать на основании тех принципов, которые в ней декларированы, но это все же не значит, что сами принципы не подлежат обсуждению. Одним из достоинств рассматриваемой работы является пристальное внимание к внутреннему лингвистическому времени. Вместе с тем хотелось бы, чтобы при этом фонологическая система не абстрагировалась ни от носителя языка с его голосовым аппаратом, ни от других уровней языка, ни от общества, в котором существует социум в реальном (астрономическом) времени и реальном пространстве. Однако перечисленные аспекты, предполагаемые системным подходом к анализу языка, в рассматриваемом труде представлены не в самом полном объеме. Причиной тому – вынужденное самоограничение исследователя, а не принципиальная научная позиция. Основания так считать дает заявление автора, содержащееся в заключительных абзацах книги, согласно которому целью работы было сосредоточение именно на **внутренней истории** фонематического уровня русского языка.

Постановка такой объемной задачи требует от исследователя не только отваги, но и большого мужества, а решение ее – при всех возможных несовершенствах – равносильно научному подвигу.

Таковы основные суждения о книге Ю.Я. Бурмистровича, которыми хотелось

бы поделиться с читателями. Нетрудно видеть, что по своей значимости каждое из отмеченных несовершенств в отдельности и все они вместе не идут ни в какое сравнение с достоинствами рассматриваемой работы. Более того, высказанные несогласия, точнее бóльшую их часть, следует рассматривать не как безусловные несовершенства, а как предмет научной дискуссии.

С учетом всего сказанного становится очевидным, что рецензируемая книга Ю.Я. Бурмистровича представляет собой фундаментальное, глубокое, тщательно выполненное исследование обобщающего и, можно сказать, *этапного* характера, имеющее большое теоретическое значение и обладающее выраженной практической ценностью.

В теоретическом отношении ценность книги Ю.Я. Бурмистровича состоит в том, что в ней впервые в отечественном языковедении объединены единой концепцией 6000 лет непрерывной истории фонологической системы, учтены и обобщены важнейшие результаты по русской и славянской исторической фонетике и фонологии за последние 80 лет, осуществлен синтез историзма с системностью на материале фонологических систем. В связи с этим теоретические результаты книги могут быть рекомендованы к использованию в лекциях по общему языкознанию и теоретической фонетике, читаемых на филологических факультетах вузов, а также при разработке вузовских языковедческих учебников.

Практическая ценность исследования состоит в том, что оно являет собой готовый образец возможной перестройки вузовских курсов преподавания языков и в первую очередь – русского языка. Такая перестройка позволит наконец разрушить “китайскую стену” между историками языка и “современниками”, возведенную усилиями лингвистов, предпочитавших следовать за Сосюрмом, а не за Бодуэном, и полагавших, что все достойное изучения – в том числе и в языке - произошло после 1917 года.